

УДК 811.511.1' + 81' 373: 811.511.142' 373.232: 373.6 + 811.511.143' 373.232: 373.6

Т.Н. Дмитриева

Проблемы изучения антропонимии обских угров

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения до сих пор малоисследованного раздела ономастики – антропонимии обских угров. Основное внимание уделяется обско-угорским фамилиям. В статье дана краткая история вопроса, рассматриваются особенности образования имен и фамилий обских угров, показаны проблемы их этимологизации, приводятся этимологии фамилий русского, тюркского, самодийского, финно-угорского происхождения. Выявляются основные критерии, учет которых необходим для достоверной этимологической интерпретации фамилий. Работа основана преимущественно на материале письменных источников, привлекаются и полевые материалы автора.

Ключевые слова: обские угры, антропонимия, фамилии, история, проблемы этимологизации, критерии достоверности этимологий.

T.N. Dmitrieva

Research issues of the Ob-Ugrian anthroponymy

Summary. The article is devoted to the research issues of little-investigated area of onomastics – anthroponymy of the Ob-Ugrians. The article maintains a focus on the Ob-Ugrian surnames. The article gives a brief history of the issue, deals with the formation process of the Ob-Ugrian first and last names, with the problems of their etymologisation, presents the surname etymologies of Russian, Turkic, Samoyedic and Finno-Ugrian origins. The author presents the main criteria, taking into account of which is necessary for confident etymological interpretation of surnames. The work is mainly based on materials of written sources; some field data of the author is also used.

Keywords: Ob-Ugrians, anthroponymy, surnames, history, problems of etymologisation, authenticity criteria of etymologies.

Антропонимы обских угров представляют большой интерес в различных аспектах: с точки зрения структуры, семантики, принципов номинации, типологии их образования, особенностей функционирования и т.д. Изучение территориального распространения фамилий ханты и манси способствует выявлению направлений миграции населения и истории этнических территориальных групп аборигенов Приобья и смежных территорий.

Исследование обско-угорских антропонимов в историческом плане проводилось известным отечественным этнографом З.П. Соколовой – в частности в ее книге «Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода» (1983) [1], в статье «Антропонимия обских угров как источник для изучения этнической истории» (1984) [2], но лингвистический подход к этому инте-

реснейшему языковому материалу З.П. Соколовой был только намечен – в уже названной книге [1, 123–125] и в статьях: «О происхождении обско-угорских имен и фамилий» (1970) [3], «Наследственные или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи» (1975) [4], «Имя и прозвище у обских угров» (1980) [5].

Из зарубежных исследований по данной теме прежде всего следует назвать раздел «Personennamen» в 14-м выпуске «Диалектологического и этимологического словаря хантыйского языка» В. Штейница [6, 1693–1740]. Здесь приведено около тысячи словарных статей (включая отсылочные), в которых представлены имена, отчества, фамилии ханты и даны этимологические справки, но далеко не для всех антропонимов.

Также на немецком языке есть основательная работа Петры Хауэл (1994), ученицы В. Штейница, посвященная антропонимии ханты: «Die ostjakischen Personennamen unter besonderer Berücksichtigung der Personennamen des 17. Jahrhunderts» («Остяцкие личные имена начиная с учета личных имен XVII века») [7]. Работа выполнена на материале русских письменных источников и экспедиции В. Штейница к ханты в 1930-е гг. П. Хауэл дает описание процесса образования фамилий у ханты, характеристику их структуры и семантики, выясняет закономерности их русской адаптации. Прекрасным результатом проведенного исследования является словарь этимологий 325 хантыйских антропонимов из «Списка окладных ясачных людей Березовского уезда» 1639 г. (РГАДА, ф. 214, оп. б/н, д. 127, пл. 443–549). Но у автора книги не было задачи, да и возможности, собрать все хантыйские антропонимы и объяснить их происхождение.

Отметим также небольшую статью Б.М. Куанышева «Тюркские элементы в обско-угорской антропонимии» (1993) [8] на материале фамилий обских угров XVIII–XIX вв., представленных в той же книге З.П. Соколовой «Социальная организация хантов и манси» (1983) [1], и тезисы О.В. Хандыбиной «Антропонимия березовских ханты» (2010) [9].

При изучении топонимии бассейна реки Казым мы не могли не обратить внимание на хантыйские антропонимы в составе местных географических названий [10, 274–287]. Был выявлен ряд личных имен, фамилий, родовых и индивидуальных прозвищ ханты, закрепившихся в топонимии. Будучи ценным источником языковой информации, они вместе с тем очень важны как свидетельство этнической истории хантыйского народа, позволяющее проследить пути формирования территориальной группы казымских ханты (этой проблеме посвящен целый ряд работ З.П. Соколовой [2; 11; 12; 13; 14; 15; 16]) и более полно представить их фамильный состав по сравнению с современным.

В частности в современных казымских топонимах, наряду с широко известными и рас-

пространенными хантыйскими фамилиями (Аликов, Каксин, Лозямов и др.), продолжают еще сохраняться и такие, носителей которых в наши дни на Казыме уже не осталось (Сангин, Вогалев, Тузин). Однако в топонимии Казыма представлена лишь очень небольшая часть хантыйских антропонимов.

Из работ по мансийской антропонимии можно назвать лишь статью Е.И. Ромбандеевой «Мансийские личные имена и фамилии» (1986) [17] и небольшой раздел «Антропонимия» в ее же книге «История народа манси (вогулов) и его духовная культура» (1993) [18].

Таким образом, можно констатировать, что до настоящего времени антропонимия коренных этносов Ханты-Мансийского автономного округа остается в целом мало изученной. Ни региональных, ни обобщающих отечественных работ по этой проблематике нет. Сбор и изучение интереснейшего во многих отношениях антропонимического материала не проводятся, но отдельные этимологии фамилий аборигенного населения Нижнего Приобья все же обнаруживаются в публикациях полевых материалов этнографов-сибиреведов, в частности у Н.В. Лукиной [19].

В рамках проводимой в Уральском университете работы по составлению Словаря фамилий коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа под руководством известного специалиста по истории уральских фамилий доктора исторических наук А.Г. Мосина¹ была осуществлена обработка имеющейся литературы и архивных источников XVII–XX вв., в результате чего получен обширный список фамилий, составляющий свыше 2 500 единиц, включая варианты. Интересно, что в картотеке имен ханты и манси XVII–XVIII вв., собранной З.П. Соколовой, насчитывается более 3 тыс. единиц [5, 270]. Эта цифра объясняется тем, что, очевидно, взяты не только фамилии, но и все антропонимы, встречающиеся в источниках и зафиксированные на всей территории проживания обских угров. Мы же на данном этапе ограничили материал (рассматриваются только фамилии) и территорию исследования

¹ Том, посвященный фамилиям русского старожильского населения Ханты-Мансийского округа, был завершен и подготовлен А.Г. Мосиным к печати несколько лет назад, но из-за проблем финансирования издание этой книги, к сожалению, до сих пор не состоялось.

(границы современного Ханты-Мансийского автономного округа).

Основой для словника фамилий стали опубликованные и архивные источники конца XVIII – середины XIX в. Сведения XVII в., а также второй половины XIX и XX вв. привлекаются при необходимости выяснения предшествующей и дальнейшей истории фамилий. Например, учитывается такой важнейший источник, как «Statistik über die Wogulen» – статистические материалы А. Каннисто, собранные в 1901–1906 гг. на всей территории проживания манси [20].

На данный момент нами проведено первичное составление словарных статей на буквы от А до П.

В процессе работы над Словарем было выявлено существование пласта этимологически прозрачных, легко интерпретируемых фамилий (образованных от антропонимов русского, хантыйского, мансийского, ненецкого, коми происхождения); но есть также множество фамилий, толкования которых могут быть лишь гипотетичны, и есть огромное количество фамилий, не поддающихся этимологизации.

Особенности процесса имянаречения и исторические этапы формирования фамилий у обских угров описаны в литературе в работах З.П. Соколовой, П. Хауэл, Е.И. Ромбандеевой.

Так, З.П. Соколова, опираясь на сообщения Г. Новицкого, В. Зуева (XVIII в.) и С. Патканова (конец XIX в.), отмечает, что, по-видимому, в прошлом у ханты и манси каждый человек имел по несколько имен: наследственное или предковое имя, повседневное имя, которое с возрастом могло меняться, защитное или подставное имя, причем не ясно, было ли повседневное имя идентично защитному или подставному [5, 266].

Особо отметим характерные для обско-угорского фольклора описательные имена и приведем примеры, хорошо иллюстрирующие ситуацию создания имени фольклорного героя.

Вот эпизод одной из записанных С.К. Паткановым богатырских сказок иртышских ханты. Герой отправляется в путь, встречает старушку и просит дать ему имя:

«Бабушка (соб. старшая тетка), дай мне имя!» – «Послушай, внучек, какое имя тебе я дам?». Старуха сидела, сидела (и сказала): «Пусть твое имя будет Poi-lipetta tamplat-xui, Poi-lipetta kaplat-xui (‘Подобно осиновому листу верткий муж, подобно осиновому листу беспокойный муж’)». – «Ай-ай, старушка, ты умеешь давать имена!» [21, 188, 303; см. также: 22, 21].

В одном из старинных рассказов («Случай в ясачной деревне») в книге С.С. Успенской «Касум мув моньшат-путрат. Сказки-рассказы земли Казымской» [23] речь идет о встрече одинокого путника, заночевавшего в пустом доме заброшенной деревни, со сверхъестественным существом, пожирающим людей:

«Оказывается, это Хула-Мала ростом с одну четверть, а живот [вместимостью] с пять берестяных коробов <...>

... Здраваться стали, приветствоваться стали.

– Ну, тетя, говорит [мужичок], – ты меня сожрать-иметь приехала сейчас?

– Конечно, – говорит, – тебя сожрать-иметь и приехала!

– Тетя, а как твое имя?

– Мое имя? Какое имя у меня, я что, ведаю?

– Та-а-а, так ведь не без имени живешь?!

Тетя, ну как тебя зовут?

– Да мое имя, – говорит, – Целую Деревню Кончу, Целый Город Изведу, с одну четверть Хула-Мала!

– Да, тетя, ты тоже, оказывается, потешное, интересное имя имеешь! Ну если у тебя интересное имя, я тоже свое имя скажу-ка!

– Так ты, внучек, скажи свое имя!

– Да имя мое, – говорит [мужичок], – Прошлой Весной Ударивший!

– Та-а-а, – говорит, – внучек, какое потешное, интересное у тебя имя!

– А вот, – говорит, – мое имя – Прошлой Весной Ударивший!» [23, 271–273].

В мансийской «Священной сказке о возникновении Земли» [18, приложение], где речь идет о первых на земле мужчине и женщине и об их сыне, который впоследствии стал хранителем всех людей Мир-сусне-хумом, также описывается момент его имянаречения: [после рождения сына] «Жена и муж дальше живут-

поживают. Сын их [который рос необычайно быстро] уже может добывать лесных зверей. Они ему сделали из сердцевины тальника лук, стрелу, он начал промышлять в лесу, на воде. Муж говорит: «Какое имя дадим сыну?» Жена говорит: «Если бы была девочка, то назвала бы ее я (дала бы ей имя); ребенку мужского пола, наверно, отец даст имя!» Муж говорит: «Как назвать его (имя дать ему)?! Пусть будет такое его имя: Тарыг пёсь нималя сов» (букв. Кожица-из-бедра-журавля) [18, 139].

Григорий Новицкий, непосредственный участник и очевидец происходившего в 1712–1715 гг. обращения вогулов и остяков в христианскую веру, в своем сочинении «Краткое описание о народе остяцком» 1715 года очень хорошо показал ситуацию с имянаречением у остяков того времени: «... бедствующий невежа Остяк недоумеая родившемуся отрочати наложыти имя и нареки е, но исходить от дому своего, иская путь шествующих в близкости себе христиан: иногда по случаю обретши, молит я назнаменоват рождшееся каким именем, и посему множество случыся зрети русскими именами нарицаются в своем их зловерии. Егда же случай недоумению его не подает помощи умолити изыскать себе у каковых людей имени, тогда что первое узреть изшедши из дому: птицы, звери или что ни будь, тем именем родившееся нарицает. Имеют и сей в недостаточестве обычай, яко по числу рождения нарыцают своя чада: первый, второй или третий – сын, женскому же полу никаких имен не налагают; егда же в супружество прыемлеться тогда налагаются имена ей своим наречием: анка, се есть жена» [24, 40–41].

Русские имена и фамилии по русскому образцу стали появляться у ханты и манси под русским влиянием. Этот процесс стал массовым в результате христианизации обских угров в XVIII в. Между тем русские имена отмечаются у обских угров и ранее. Так, например, в Списке окладных ясачных людей Казымской волости Березовского уезда 1639 г. у 118 перечисленных плательщиков ясака насчитываются 9 русских личных имен: Дементей, Лука, Василей, Якушко, Игнатко, Юра, Гришка, Яков, Петруня, 4 русских патронима: Максимов сын, Микитин сын, Дементьев сын,

Якушев сын), а также притяжательные формы от русских имен: Юрин брат, Семенов шурин [7, 139–140].

Фамилии, образованные от русских имен и прозвищ (Алексеев, Андреев, Захаров, Климов, Комаров, Кондратьев и т.д.), составляют в нашем словнике около четверти от их общего числа.

Среди обско-угорских фамилий русского происхождения имеются фамилии, образованные от русских имен ханты и манси (в их полной или уменьшительной, или адаптированной форме), а также от антропонимов, восходящих к русским общенародным или диалектным лексемам. Например:

Петрушкин – Сосьвинская вол. Берез. у., 1795 г. [25, 200]. Фамилия восходит к личному имени Петрушка, производному от Петр.

Петулов – Перегребное, Шеркал. (Штейниц, 1930-е гг.) – от хант. имени Петул < русск. [6, 1725]. Отмеченное на Сыне мужское имя Петул Штейниц характеризует как адаптированное русск. Федор [6, 1703].

Пеганов – Естльская вол. Берез. у., 1794 г. [1, 202]; Подгородная вол. Берез. у., 1795 г. [25, 159]. В основе фамилии – русский антропоним Пеган [26, 289] < русск. ‘пегий’.

Пеганков – Подгородная вол. Берез. у., Неремовы ю., 1794 г. [1, 195]. Возможно, из русск. антропонима Пеганко < Пеган < русск. ‘пегий’.

Пятников – ю. Сурейские (Штейниц, 1935) < русск. [6, 1726]. В основе фамилии, по видимому, русское диалектное слово пятник (ударение: чаще пятн́ик), образованное от пята́ ‘часть невода – крыло, которое остается на берегу’. В свою очередь пятник – это веревка, за которую тянут невод, а также человек, который тянет эту веревку. Ср. в «Словаре русских говоров Среднего Урала»: пятн́ик – ‘толстая веревка, за которую тянут невод’ [27, т. 5, 49]; в «Словаре русских народных говоров»: пятн́ик – ‘рыбак, тянущий веревку берегового крыла невода’. Слово отмечено на Урале, на Волге, на Каспии и в Кемеровской области [28, т. 33, 230]. Заимствование из русского языка в форме петъник и в значении ‘речное крыло невода (?)’ было зафиксировано К. Карьялайне-ном на рубеже XIX–XX вв. у кондинских хан-

ты. Указывая на русское происхождение слова, Штейниц уточняет и его значение: «пятное крыло невода» – т.е. укрепленный на берегу конец невода [6, 1255].

У старшего поколения современных ханты могли сосуществовать в употреблении собственно угорское и русское имя, данное при крещении. Вот один из примеров: «Мои прадеды жили в низовьях Иртыша... Моего дедушку Михея, с младенчества сироту, усыновила в Белогорье русская девушка Василиса, никогда не имевшая своей семьи. Отец дедушки по отцу был ханты. И лучший друг дедушки, живущий в соседней деревне, был ханты. Звали его Хон Нянь (царский хлеб), а при крещении нарекли Николаем», – пишет Галина Слинкина в предисловии к книге «Сказки земли Югорской» (2002) [29, 6].

Хотя фамилий в собственном смысле слова у ханты так же, как у манси и ненцев, не было до прихода русских в Сибирь, но были семейные, родовые именованья, переходящие из поколения в поколение. Фамилии ясачного населения стали фиксироваться наиболее широко с XVIII в. в ревизских сказках и церковных документах. В основе фамилии, оформлявшейся по русскому образцу, чаще всего был патроним, восходящий к личному (в том числе и христианскому) или родовому имени, но фамилии аборигенам могли даваться русскими и произвольно.

До прихода русских в Сибирь ханты и манси испытывали сильное тюркское влияние [см. 30, 120; 8, 105], и некоторая, а в прошлом, возможно, и значительная, часть их фамилий была образована от антропонимов тюркского происхождения. Б.М. Куанышев [8] выявляет более 40 обско-угорских фамилий тюркского происхождения, но в действительности их намного больше. Например:

Айдаров – Васюганская вол. Сург. у., 1782 г. [1, 283], 1794 г. [6, 1697], ю. Ангалины на Васюгане, 1900 г. [31, 14 б]. Ср.: Мурынка Айдаров сын – XVII в. [3, 271 (район фиксации антропонима в статье не указан)].

В основе фамилии – хантыйский антропоним Айдар, Айтар (äjtär) [см. 6, 1697] (с оглушением звонкого согласного д), который может восходить к тюркскому мужскому имени

Айдар – ср.: казах. айдар ‘клочок волос, который оставляют несбритым на маковке мальчиков (это считается знаком отцовской любви)’, ‘коса, которую носят мужчины у калмыков’ [32, т. 1, 50; см. также 33, 18], русск. диалектное (поволжское) айдар (< тюрк.) ‘круглая казачья стрижка’ [34, т. 1, 64; 8, 102].

Алакулов – Больше-Юкондинская вол. Тоб. у., Ландинские ю., 1798 г. [1, 236], Аллакулов (Аллагулов) – Больше-Кондинская вол. Тур. у., 1798 г. [1, 285], Ландинская вол. Тоб. у., Ландинские юрты, 1811 г. [35, 130 об.]; Больше-Юкондинская (Ландинская) вол., 1795, 1816, 1858 гг. (Тайлимов-А.) [36, 102]. В основе этой фамилии мусульманское имя Аллакул (из араб. аллах ‘бог’ и тюрк. кул ‘слуга, раб’, букв. ‘раб Аллаха’ [37, 299; 8, 102]. В XIX в. (1858 г.) в Леушинской волости Тобольского уезда фамилия отмечена также в форме Аллагулов (Теркин-А.) [38, 39 об. – 42 об.]. Этот вариант мог быть образован из Аллакулов в результате переработки согласных в процессе фонетической адаптации тюркского антропонима: озвончение глухого (к > г) и расподобление плавных (л > р).

Еще примеры:

Атаев – Салымская вол. Сург. у., 1782 г. [1, 244, 246; 39], 1795 г. [40, 96 – 96 об.]; кондинская группа манси, 1785–1858 гг. [36, 78]; Больше-Кондинская вол. Тоб. у., 1788 г. [41, 177 об.], 1795 г. [36, 95]; Верхне-Кондинская вол. Тур. у., 1798 г. [1, 293]. В основе фамилии, возможно, тюркский антропоним ата – из ата ‘отец’, ‘предок’ [32, т. 1, 449].

Бахтиаров – Сосьвинская вол. Берез. у., Искарские ю., 1794 г. [1, 173]. Это тоже фамилия манси. В начале XX в. верхнелозьвинские манси Бахтиаровы проживали в селениях по р. Ивдель, на Вижае, на Тошемке, вблизи пос. Всеволодск [см. 20, 58–61]. В настоящее время фамилия традиционно употребляется в форме Бахтияров, манси Бахтияровы до сих пор проживают на Северном Урале, в Свердловской области и в Пермском крае. В XIX в. манси-оленеводы Бахтияровы кочевали в Чердынском Приуралье и имели постоянное жилище на Тошемке. В последней четверти XX века они обитали на той же территории и занимались оленеводством [42, 270]. Бахтиар – то же,

что Бахтияр: персидское по происхождению имя, бытовавшее у многих тюркских народов и переводимое как «счастливый» [43, 133; 37, 292], «счастливый муж», от *бахт* «счастье» и *јаг* «друг, товарищ» [44, 32]. Антропоним, лежащий в основе фамилии, известен на Руси по документам XV–XVII вв. в вариантах Бахтеяр, Бахтиар, Бохтеяр (Федор Дмитриевич Бахтиар Приимков-Ростовский умер в 1550 г., от него пошли князья Бахтияровы-Ростовские) [45, 29; 46, 42–43]. Фамилия фиксируется в XVII в., например: Петр и Федор Бахтеаровы, подьячие [47, 43–44]; Еналей Бахтеаров, якутский письменный голова, 1649 г. [46, 474]; чердынец Левка Бахтияров, 1682 г.; чердынец Сен(ь)-ка Бахтияров, 1683 г. [48, 43; см. также: 49, 17].

Результаты предварительного анализа показывают, что в собранном материале также представлены немногочисленные фамилии коми и ненецкого происхождения; у восточных хантов можно предполагать и наличие фамилий, восходящих к селькупскому языку.

Примеры обско-угорских фамилий коми и ненецкого происхождения:

Байдаков (Байдыков) – Салтыковская вол. Сург. у., 1795 г. [40, 276, 277]; Салтыкова вол. Сург. у., Вартовские юрты, 1850 г. [50, 272 об.]. Ср.: коми лит. байдӧг [51, 32], вым., иж., уд. байдык [52, 16] – ‘куропатка’.

Пучин – Ляпинская вол. Берез. у., 1782, 1816 гг., Пузин – Ляпинская вол. Берез. у., 1858 г. Фамилия отмечена у некрещеных самоедов Ляпинской волости [53, 387], в варианте Пузин она известна и у сосьвинских манси [54, 50; 55, 141–142]. Ср.: род лесных ненцев, называемый Еуши (Ивши), – это тот же род, который современные ненцы называют Пучи (Пуци, Пути); в 1695 г. у обдорских самоедов упоминался род Пучей (Пуци), в 1701 г. – род Пучейский [56, 71, 76]. По предположению З.П. Соколовой, манси – носители фамилии Пузин – могут иметь мансийско-ненецкое происхождение [57, 33].

Значительное число фамилий обских угров, зафиксированных в источниках и существующих вплоть до настоящего времени, образовано на базе родного языка и восходит к родовым или индивидуальным именам и прозвищам. Например:

Альвин – Васюганская вол. Сург. у., 1782 г. [1, 283]; Васюган, 1794, 1900 гг. [6, 1698]. Фамилия восходит к имени Альви. Ср.: Альви – имя духа-охранителя у хантов на Васюгане [58, 70].

Айнярахов – Чемашевская вол. Берез. у., 1794 г. [1, 200]. Фамилия происходит от хантыйского антропонима *ај њаг ѓх* – букв. ‘маленькая лысая голова’ [Ср. 7, 39].

Хуланхов (Хуланков). В форме Хуланхов фамилия была известна в XVIII–XIX вв. (Малоатлымская вол. Берез. у., Большеатлымские ю.) [1, 208]. В материалах В. Штейница 1930-х гг. упоминается жительница Большого Атлыма Александра Николаевна Хуланхова. В. Штейниц отмечает фамилию *Chulanchov* и как казымскую [6, 1714]. По нашим полевым данным, недалеко от села Казым есть старица под названием *хӧлаӗ вӧгӗ* «Старица Хуланхова». Местные жители говорили, что Хуланхов был приезжий ханты, он жил в Казыме в 1940-е годы. «Хулань его звали. Наверно, он ходил там» (ПМА. Записано в 2000 г. в с. Казым). Фамилия Хуланхов восходит к оформленному по русской модели на -ов хантыйскому антропониму, основу которого можно соотнести, в частности, с хант. низям. *хӧлаӗ* ‘худой, тощий (рыба; длинный и худой человек)’ [6, 489] + *хӗ* (казым. *хӗ* ‘мужчина, человек’ [6, 423]. Есть и другие версии: В. Штейниц возводит фамилию Хуланхов к хант. казым. *хӗлаӗ хӗ* ‘рыбный человек’ [6, 1714]; З.П. Соколова объясняет форму Хуланков из хант. «хулан и ко “грязь – человек”» [5, 273].

Асхов (Асиков, Асыков). Фамилия Асхов, отмеченная в 1794 г. в Казымской вол. Берез. у. [1, 177; 7, 29], восходит к хантыйскому антропониму *ас хӗ* ‘обской человек’. Ср.: хант. ирт. *ас-хӗј* (Патканов) мужское имя – хант. ‘обской человек’ [6, 1699]. Вероятно, такую же семантику имеет обдорская фамилия XVII в. (1639 г.) Асиков [7, 29] и верхнекондинская (1798 г., Верхне-Кондинская вол. Туринск. у.) Асыков [1, 293], только вторым компонентом в этом случае может быть хант. *ікі, іка* ‘мужчина, старик’ [6, 34]. Возможна также этимологическая связь антропонима, лежащего в основе фамилии, с известным по историческим документам именем Асыка – так звали одного

из вогульских князей: 25 апреля 1483 г. из Вологды выступила русская «рать на Асыку на вогульского князя, да в Югру на Обь великую реку». Близ устья Пелыма вогулы, возглавляемые сыном Асыки князем Юмшаном, были 29 июля разбиты и укрылись в непроходимых дебрях Конды [59, 82].

Атыхин – Большеатлымский городок Берез. у., 1795 г. [25, 101]. Ср.: хант. шерк. от, сев.-хант. *oti, äti* ‘ласковый, приветливый’ + *iki* ‘мужчина, старик’ [6, 34, 209].

Палекент – Подгородная вол. Берез. у., 1794 г. [1, 196]. Происхождение фамилии, возможно, связано с антропонимом, восходящим к манс. сев. палинг – прилаг. (имя обладания) от паль ‘ухо’ + кэнт ‘шапка’ [60, 43, 83], т.е. «шапка с ушами».

Иштанов – Подгородная вол. Берез. у., 1794 г. [1, 195, 197]. Фамилия происходит от хантыйского антропонима, в основе которого – заимствованное из русского языка слово иштан ‘штаны’ (в свою очередь русск. < тюрк.) [6, 12].

Этимологическая интерпретация фамилий ханты и манси очень сложна в связи с тем, что эти фамилии, фиксировавшиеся в русских источниках, часто записывались в нескольких вариантах, менялись, подвергались переработке вследствие русской адаптации, передавались с ошибками и порой искажались до неузнаваемости. Все это очень затрудняет толкование фамилий. Например, в числе фамилий жителей Ванзеватских юрт Казымской волости Березовского уезда по ревизиям 1782 г. и 1816 г. отмечена фамилия Нипин, но в документах 1851 г. [61, 77 об.] и 1858 г. она фиксируется как Дыбин и Типин [53, 189, 363]. Фамилия Дыбин легко могла появиться вследствие русской адаптации, в результате озвончения из Типин, но этот вариант так же, как и фамилию Нипин, достоверно этимологизировать пока не удалось (ср. сев. хант. *п’рэп, п’рэп* прилаг. от *п’р, п’р* ‘ноша, котомка’ [6, 1010–1011], сев. манс. *нып* ‘берестяной остов котомки’ [60, 76]; сев. манс. *тып* ‘гальник, ива, верба’ [60, 132]).

Поэтому приходится говорить, что в огромном количестве случаев в настоящее время происхождение фамилии неясно, что приведенные толкования нередко гипотетичны и что

очень многие фамилии могут так и остаться нерасшифрованными.

Многие фамилии, отмеченные в XVIII в., впоследствии в списках не обнаруживаются, но часть фамилий в тех же или близких формах сохранилась до настоящего времени. Как показывает практика, носители некоторых из них легко могут объяснить их происхождение на основе родного языка. Есть немало достаточно прозрачных примеров, когда легко восстанавливается антропоним, положенный в основу фамилии. Это выглядит особенно убедительно, если в полевых условиях записаны семейные предания о происхождении фамилии. Например:

Ерныхов (Ерынхов, Ернхов)

Ерынхов – Казымская вол. Берез. у., 1794 г. [1, 176], 1851 г. [61, 25 об. – 26 об.], 1858 г. [62, 14]; Ерныхов – Казымская вол. Берез. у., 1858 г. [53, 359]; Ернхов – Шеркалка, Кеуши, Атлым, Казым, 1930-е гг. (Штейниц) [6, 1703]. Фамилия в варианте Ерныхов хорошо известна у современных казымских ханты.

В основе фамилии – хант. *ј’опн х’ор* ‘ненец-мужчина’. Еще в 1920-е гг. эта фамилия записывалась по-русски на хантыйский лад: Ерн-ху. Например, В.М. Новицкий отмечал в 1926 г., что казымцы на своем сходе-ярмарке в Юильском городке сами избрали «рабочую тройку тузсовета», в том числе ее председателя т. Ерн-ху из юрт Амнинских [См.: 63, 163]. Реадаптированная хантыйская форма фамилии ернхоп осмысляется как *ј’опн х’ор* ‘ненецкая лодка’ (Штейниц, Нёмысова) [6, 1703].

Фамилия Ерныхов служит свидетельством ненецко-хантыйских этнических контактов и является доказательством участия ненецкого компонента в формировании этнической группы казымских хантов. О происхождении Ерныховых от ненцев на Казыме рассказывают легенды. Приведем одну из них:

«Ненцы жили. Ехали два ханта, заехали к ненцам в чум погреться. Вдруг видят, из-за печки, из-под бересты, где посуда, выходит мальчик. Никто [из ненцев] на него не смотрел. Ханты говорят: Что это за мальчик? – Это сирота, взяли его, чтобы он в тундре не пропал. Они стали просить, чтобы его отдали, у них своих детей не было. Просто так нельзя у

хантов отдавать, надо что-то дать взамен. Они дали две шкуры, что-то еще. От этого мальчика и пошли Ерныховы» (ПМА. Записано от Д.Н. Ерныхова в 1989 г., с. Казым).

Тоголмасов (Тоголмазов, Долмазов)

Тоголмасов – Казымская вол. Берез. у., 1794 г. [1, 177], 1795 г. [25, 214 об. – 215], 1782, 1816, 1858 гг. [53, 358]; Тоголмазов – Казым, 1930-е гг., Долмазов – Казым, Хуллор, 1930-е гг.; реадaptированный вариант фамилии – тохəлmаzov (Штейниц) [6, 1701, 1735]. Современная казымская фамилия Тоголмазов известна до сих пор. Ее носителями всегда были жители д. Хуллор. Происхождение фамилии связывают с антропонимом, образованным от хант. казым. tōxə; mǎš, букв. ‘кол невода’. Это объяснение как возможную реконструкцию приводит В. Штейниц [6, 1735]. Наши информанты давали такое же толкование, поясняя, что имеются в виду колышки с развилками на конце, используемые для просушки невода (ПМА, Казым, 1987–1993 гг.).

Гындышев (Кындышев, Кундишов)

Кындышев – Подгородная вол. Берез. у., Войтинховы юрты, 1794 г. [1, 193], Гындышев – Подгородная вол. Берез. у., Пугорские юрты, 1851 г. [61, 8 об. – 10 об.]. В 1935 г. В. Штейниц зафиксировал казымскую фамилию в варианте Кундишов и в реадaptированной форме kundišor, которые объясняет из антропонима, в основе которого хант. казым. künti šor ‘край, кайма малицы’ [6, 1712]. В настоящее время фамилия известна в Березовском районе в варианте Гындышев. По словам Дмитрия Георгиевича Гындышева (1932–2004), жителя пос. Березово (раньше Гындышевы жили в д. Войтехово), их фамилия восходит к родовому прозвищу künti šor ‘половина каймы малицы’, которое, по легенде, связано со следующими обстоятельствами: «Раньше к полам малицы для тепла добавлялись нашивки из собачьей шкуры, а предки Гындышевых были настолько бедными, что у них этой нашивки не было, ее укорачивали, делали только до половины. Поэтому их и звали «кунты шоп» – половина этой нашивки» (ПМА. Записано в 1990 г. в пос. Березово).

Но таких фактов в силу несобранности полевого материала пока очень мало. Разумеется,

что в подобных объяснениях возможны случаи народной этимологии, но это не снижает их ценности.

Этимологизация фамилий обских угров требует обязательного учета района фиксации фамилий и – соответственно – фонетических и лексических особенностей хантыйского и мансийского языков, сильно различающихся в зависимости от диалекта. Поэтому для объяснения фамилий кондинских манси не подходят данные северных мансийских диалектов, а фамилии казымских ханты нет необходимости соотносить с восточно-хантыйскими диалектными формами и наоборот.

Так, фамилия васюганских ханты Ангаллин (XVIII–XX в.) образована от антропонима, в основе которого хант. васюг. āŋkəl ‘пень дерева’ [6, 1698, 1699], ср.: «Ангалины – это Ānkāl, пень, куда гнилушки складывают» [19, 66]. А фамилия Ангытов, отмеченная в XVIII в. в Ендырской волости Берез. у., восходит к хантыйскому антропониму, в основе которого слово с тем же значением: хант. ирт. āŋkət ‘пень’ [См. 6, 137].

Эта же хантыйская лексема выявляется в антропониме, от которого образована фамилия Ангишупов и ее варианты: Ангишупов – Шеркальская вол. Берез. у., 1794 г. [1, 206], Ангешупов – Верхне-Кондинская вол. Турин. у., 1798 г. [1, 291]; Ангетшубов, Ангичубов – Березово, Анкетчубов, Ангечубов – Лохтоткурт, Шерк., āŋkətšurov: sem'on vasil'evič a. – Шеркалы, 1930-е гг. (Штейниц) [6, 1699] – ср. хант. ирт. āŋkət, низям., шерк. āŋkət ‘пень’, ирт. šur, низям., шерк. šur ‘кусоч, часть, обрубок’; ‘половина’ [6, 137, 294], т.е. ‘часть, кусоч пня’.

Приведем ряд фамилий с основой лел-:

Лелин – Ляпинская вол. Берез. у., 1782, 1816 гг. [56, 383].

Лелков (Лилков, Пелков) – Больше-Юганская вол. Сург. у., 1782 г. [1, 255; 39], 1795 г. [40, 185–186]; Больше-Юганская вол. Сург. у., Егинева ю., 1850 г. [50, 137 об.].

Лелькин – Салтыкова вол. на р. Обь, Сург. у., 1782 г. [1, 272].

Лелкоев – Меньше-Кондинская вол. Тоб. у., Красноярские ю., 1798 г. [1, 233].

Лелов – Подгородная вол. Берез. у., Войтинковы ю., 1795 г. [25, 156–156 об.]; Подго-

родная вол. Берез. у., Пугорские юрты, 1851 г. [61, 9 об.].

Лелхов – Подгородная вол. Берез. у.: Непкины ю., Пащерцевы ю., 1794 г. [1, 195, 196]; Пащерские юрты, 1795 г. [25, 155], Пащерцовы юрты, 1851 г. [61, 8 об.]; ляпинско-сосьвинская группа манси, 1785–1858 гг. [36, 75]; Сосьвинская вол., 1795 г. [36, 90].

Лелехов – Березовский р-н, Паштырские ю., Тар курт, 1930-е гг. (Штейниц): Василий Лелехов, Григорий Л. [6, 1715].

У современных ханты фамилия известна в форме Лельхов.

Обско-угорские фамилии Лелин, Лелкоев, Лелов, Лелхов, Лелехов, Лельхов могут быть образованы от антропонимов, восходящих к хант. казым. лэл, сын., обд. lel, берез. (Алквист) lēl, [6, 747] ‘низкий, маленький’. Ср. зафиксированное в конце XIX в. в Обдорской волости мужское имя Лелей (в антропониме Николай Куйбин Лелей), восходящее к хант. сын., обд. lel ‘низкий, маленький’ + уменьшит. суф. -ije, отмечено и хант. женское имя lel пе ‘низкая, маленькая женщина’ (с. Мужы) [6, 1715; 7, 34–35].

Та же семантика представлена в фамилии Лелетов (Лелятов) – Ляпинская вол. Берез. у., 1794 г. [1, 168]; ляпинско-сосьвинская группа манси, 1785–1858 гг. [36, 75] – от мансийского антропонима, в основе которого манс. лелят ‘малорослый’ [18, 49].

Фамилии традиционно оформлены русскими притяжательными суффиксами -ин, -ов (-ев). В отмеченной на Конде фамилии Лелкоев в качестве второго компонента основы, видимо, следует восстанавливать хант. ирт. хож ‘мужчина’ [6, 423].

Варианты Лелхов, Лелехов, Лельхов восходят к хант. казым. лэл хр ‘низкий, маленький человек’. В результате вторичной семантической мотивации фамилия воспринимается как производная от хант. лэл хор ‘низкая лодка’ [6, 1715; 7, 46, 47].

Носители современной хантыйской фамилии Лельхов проживают в д. Пашторы Белоярского (ранее Березовского) района. По местной легенде раньше они были манси. О происхождении фамилии рассказывают: «Они по-мансийски называются лел хап, по-хантыйски

лел хоп – ‘низкобортная лодка’. Они плыли на этих лодках с верховьев Лозьвы, их течением несло, наводнение было. Они нашли высокий бугор, на нем обосновались, переучились на хантыйский язык. Стали ханты» (ПМА. Записано в с. Полноват Белоярского р-на в 1995 г. от В.Т. Бешкильцевой (урожд. Костиной), манси, родом из д. Вежакоры). Другое объяснение прозвища и фамилии пашторских ханты: «“Низкая лодка” – потому что в Пашторах были богатые уголья, и когда они ехали с рыбой, лодки низко оседали. Отсюда и фамилия Лельховы» (ПМА. Записано в с. Полноват в 1989 г. от С.С. Курикова (ханты), родом из д. Чуели).

Так как в восточных хантыйских диалектах формы, соответствующие сев. хант. лэл ‘низкий’, не отмечены, для фамилий Лелков или Лилков на Югане (Пелков – вероятно, описка) и Лелькин в Салтыковой вол. на р. Обь, Сург. у., возможна другая лексическая основа, если только фамилии не отражают миграционные процессы в Приобье. Ср., например, тр.-юган. лэл ‘наиболее крепкий слой дерева, обычно с северной стороны (из такого слоя делают полозья нарт, луки)’ или юган. лилэң ‘живой’ (от лил ‘душа’) [6, 748–750], сург. лели ‘брат’ [64, 44] + тр.-юг., юган. ко ‘мужчина’ [6, 423].

Особенно сложно определить наиболее достоверный вариант толкования, когда фамилия совпадает с русской:

Фамилия Кашин (Чемашевская вол. Берез. у., 1794 г. [1, 200]; Лумпокольская вол. Сург. у., 1850 г. [50, 189 об. – 190 об., 192 об.]) на первый взгляд связана с антропонимом, восходящим к русск. каша. Но это может быть и собственно хантыйский антропоним, ср. в хантыйском языке глагольные основы: низям. каш- ‘сохнуть’, кэш- ‘искать, промышленять’, ср. также низям., шерк. кашэң ‘веселый’, ‘приятный’ [6, 643, 644], казым. кашан ‘больной’ [65, 105].

В основе фамилии Колчанов (Шеркалы, 1930-е гг.) может быть русское слово колчан (заимств. из тюрк.). Но в реадaptированном, вторично семантически мотивированном варианте фамилия зафиксирована в форме Кал-

сянов. В. Штейниц соотносит ее с хант. шерк. *kǎłša* ‘клест’ [6, 1711].

Лоншаков – Ляпинская, Чемашевская и Естыльская вол. Берез. у., 1794 г. [1, 169, 200, 202]; Нагакарский городок, Олешкины юрты, Берез. у., 1795 г. [25, 110]; Вежакарский городок Берез. у., 1795 г. [25, 133 об.]. В 1930-е гг. фамилия отмечена Штейницем в формах Лоншаков (Березово; Алешкины, Низям.) и Ланцаков (без указания места) – 1930-е гг. [6, 1714]. Возможные варианты происхождения этой фамилии у обских угров: 1) Русское происхождение – ср. русскую фамилию Лоншаков, Лонцаков – от антропонима Лоншак < русск. лоншак ‘годовалое животное’ (см. [66, 241]); уже в XVII в. Семен Лоншак отмечен в Обдорской волости (Бахрушин, 1935) [6, 1715]; 2) Фамилия могла быть образована и на основе собственно обско-угорского антропонима. Так, Е.И. Ромбандеева считает источником фамилии Лоншаков, Лонцаков, Ланцаков мансийское слово ланьцаки ‘плохо подпоясывающийся’ и отмечает, что «эти люди пришли от хантов из Сыньи» [18, 49]. Н.К. Тасманова из пос. Няксимволь дополняет, что манс. ланцаки означает ‘высокий, длинный; небрежный’ (устное сообщение. Ханты-Мансийск, 2012 г.).

Качанов – фамилия отмечена у манси на Ляпине и Конде в XVIII–XIX вв.: Ляпинская вол. Берез. у., 1782, 1816, 1858 гг. [54, 381], 1795 г. [25, 270 об.], 1798 г. [1, 169], 1785–1858 гг. [36, 75, 86]; кондинская группа манси, 1785–1858 гг. [36, 79]; Больше-Кондинская вол. Турин. у., 1795 г. [36, 95], Верхне-Кондинская вол. Турин. у., 1798 г. [1, 292]. Известна и русская фамилия Качанов, восходящая к прозвищу, в основе которого лежит имя нарицательное качан – ‘кочан, вилок капусты; кочерыжка’: такое прозвище мог получить полный человек [48, 160], оно могло появиться и в результате переосмысления кочан – ‘голова’ [66, 192]. Прозвище Качан (Кочан) и образованная от него русская фамилия Качанов в разных вариантах написания известны по документам XVI–XVIII вв., в том числе на украинских и

белорусских землях, в Сибири и на Урале [46, 176; 47, 231; 48, 160].

Для доказательства версии о русском происхождении этой фамилии у манси нужно иметь сведения о том, что в XVIII в. манси на Ляпине и Конде могли иметь представление о кочанах капусты и заимствовать это русское слово. С другой стороны, фамилия могла и не восходить к прозвищу, если учесть, что в случаях, когда коренные жители не имели или по каким-то причинам скрывали свои прозвища, фамилии произвольно давались им русскими попами или ясачниками. Тогда шел обратный процесс – адаптация русской фамилии мансийским языком. В результате у ляпинских манси, по данным Е.И. Ромбандеевой, фамилия Качанов получила форму Катъщанп [18, 46].

В основе мансийской фамилии Качанов можно также видеть манс. *kāsiŋ* ‘в брюках’ – от *kāś* ‘брюки, штаны’ (Н.К. Тасманова из пос. Няксимволь, устное сообщение. Ханты-Мансийск, 2012 г.) [См.: 60, 42]².

Таким образом, чтобы выбрать наиболее приемлемую версию происхождения фамилии, получить убедительные результаты этимологизации фамилий коренного населения Югры, верно определить язык и диалект-источник, обязателен учет языковых критериев: фонетического, словообразовательного, семантического. Не менее важны внелингвистические факторы – территория бытования фамилии, географические и климатические условия, особенности традиционной культуры местного населения, этнические и культурные контакты.

Обращают на себя внимание многочисленные случаи совпадения фамилий на разных территориях, что обусловлено единством языковой основы и происходившими миграционными процессами. Тем не менее, отчетливо видна локализация фамилий ханты, их привязка к конкретной диалектно-территориальной группе.

Антропонимия обских угров – как историческая, так и современная – представляет необыкновенно интересный, но в то же время и

² Возможно, в дальнейшем для истории фамилии будут полезными и сведения о том, что по легенде манси Качановы из деревни Ясунт произошли от татар, от хана Кучума, отчего их деревню называют Хатань павыл «Татарское поселение» (С.А. Попова, устное сообщение. Ханты-Мансийск, 2012 г.).

чрезвычайно трудный для интерпретации материал. В процессе работы над Словарем фамилий коренного населения ХМАО стало очевидно, что далеко не все фамилии поддаются этимологизации. В огромном количестве случаев происхождение фамилии остается неизвестным, и толкования нередко гипотетичны.

Наряду с камеральной работой с источниками и словарями, эффективным способом

получения информации о происхождении фамилий коренных жителей округа и соседних территорий стал бы фронтальный опрос местного населения, и даже народно-этимологические толкования были бы очень ценными. Но эта работа, к сожалению, до сих пор целенаправленно не проводилась и никем не организована.

Литература

1. Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 325 с.
2. Соколова З.П. Антропонимия обских угров как источник для изучения этнической истории // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 78–81.
3. Соколова З.П. О происхождении обско-угорских имен и фамилий // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М.: Наука, 1970. С. 268–278.
4. Соколова З.П. Наследственные или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи // Советская этнография. 1975. № 5. С. 42–52.
5. Соколова З.П. Имя и прозвище у обских угров // Народы и языки Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1980. С. 266–270.
6. Steinitz Wolfgang. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Дialeктологический и этимологический словарь хантыйского языка. Bearbeiter: Gert Sauer. Lfg. 1–15. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1993.
7. Huel Petra. Die ostjakischen Personennamen unter besonderer Berücksichtigung der Personennamen des 17. Jahrhunderts. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 38. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994. 153 s.
8. Куанышев Б.М. Тюркские элементы в обско-угорской антропонимии // Язык и прошлое народа. Сб. науч. трудов. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1993. С. 101–106.
9. Хандыбина О.В. Антропонимия березовских ханты // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. Piliscsaba, 2010. P. 158–159.
10. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 274–287.
11. Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 186–210.
12. Соколова З.П. Ляпинско-сосвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 112–130.
13. Соколова З.П. Формирование этнографических групп северных хантов и северных манси // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 34–48.
14. Соколова З.П. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири // Сб. науч. тр. Кемерово: КГУ, 1986. С. 71–78.
15. Соколова З.П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1987. С. 118–133.
16. Соколова З.П. Легенды Вут-Ими. Путешествие по Оби и ее притокам к хантам и манси / Югорские россыпи. Сургут: АИИК «Северный дом»; Северо-Сибирское кн. изд-во, 1993. 96 с.
17. Ромбандеева Е.И. Мансийские личные имена и фамилии // Языки народов Севера Сибири. Новосибирск: АН СССР, Сиб. отд., 1986. С. 20–25.
18. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: «Северный Дом», Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1993. С. 45–50.

19. Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. В 5 т. Т. 1. Васюган. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 336 с.
20. Kannisto A., Nevalainen J. Statistik über die Wogulen. Gesammelt von Artturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von Jorma Nevalainen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. S. 1–95 (=JSFOu 70/4).
21. Патканов С.К. Иртышские остяки и их народная поэзия (Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volksproesie. SPb., 1897, Т. I; 1900, Т. II) / Перевод с нем. Е. Матюхиной // Сочинения в 2-х т. / Под ред. С.Г. Пархимовича. Т. 1. Остяцкая молитва. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 400 с.
22. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992. 136 с.
23. Касум мув моньчат-путрат. Сказки, рассказы земли Казымской. Вып. 1 / Перевод, сост., предисл., примеч. С.С. Успенской. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 292 с.
24. Новицкий Григорий. Краткое описание о народе остячком, 1715 г. Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. 107 с.
25. ТФ ГАТО. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 8. Д. 273 (1795 г.).
26. Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2001. 516 с.
27. Словарь русских говоров Среднего Урала. В 7 т. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во; Уральский ун-т; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988.
28. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–45. Л.; СПб.: Наука, 1965–2013.
29. Слинкина Галина. Сказки земли Югорской. Екатеринбург: Изд. дом «Пакрус», 2002. 226 с.
30. Буцинский П.Н. Сочинения в 2-х т. Т. II. К истории Сибири: Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск (Переиздание; первое изд. – 1893). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 327 с.
31. Karjalainen K.F. Ostjakisches Wörterbuch. В. 1–2. Bearbeitet und herausgegeben von Y.H. Toivonen. Helsinki, 1948. 1199 s.
32. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. В 4 т. СПб.: Императ. Акад. наук, 1893–1911.
33. Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1954. 575 с.
34. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М.: Прогресс, 1964–1973.
35. ТФ ГАТО. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 8. Д. 289 (1811 г.).
36. Пивнева Е.А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1999. 306 с.
37. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. Оксфорд, 1972. Перевод с англ. / Под ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
38. ТФ ГАТО. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 8. Д. 814 (1858 г.).
39. ТФ ГАТО. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 8. Д. 44 (1782 г.).
40. ТФ ГАТО. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 8. Д. 277 (1795 г.).
41. ТФ ГАТО. Ф. 156. Тобольская духовная консистория. Оп. 20. Д. 30 (1788 г.).
42. Федорова Е.Г. Вогулы в XVII–XIX вв. // Коренные этносы европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: материалы Междунар. науч. конф. (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 269–271.
43. Гафуров Алим. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Главная ред. вост. л-ры изд-ва «Наука», 1987. 221 с.
44. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.
45. Веселовский С.Б. Ономастикон. М.: Наука, 1974. 382 с.
46. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Русский путь, 2004 (печ. по изд.: СПб., 1903 г.). 904 с.
47. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 611 с.
48. Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 463 с.
49. Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.
50. ТФ ГАТО. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 8. Д. 754 (1850 г.).
51. Коми-русский словарь / Л.М. Безносикова, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

52. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Со-
рвачева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 491 с.
53. Перевалова Е.В. Северные ханты. Этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
54. Моньцят па путрят / Сост. В.Н. Соловар. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1996. 68 с.
55. Кань кунш одаң / Авт.-сост. Т.А. Молданов. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1997. 149 с.
56. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Ин-та этнографии.
Новая серия. Т. 55. М., 1960. 622 с.
57. Очерки истории Югры / Н.Н. Баранов [и др.] / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург:
НПМП Волот, 2000. 408 с.
58. Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982.
С. 8–45.
59. Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов. Т. 2. Перевод с нем. и публикация д-ра ист. наук
Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 284 с.
60. Ромбандеева Е.И., Кузакова Е.Н. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Л.: Просвеще-
ние, Ленингр. отд., 1982. 360 с.
61. ТФ ГАТО. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 8. Д. 755 (1851 г.).
62. Касум-Ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории / Отв. ред.
А.В. Головнев / Ханты-Мансийск: НИИ социально-экономического и национально-культурного возрожде-
ния угорских народов / Тобольск: Этнографическое бюро. Шадринск: ПО «Исеть», 1993. 109 с.
63. Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрОРАН, 1995.
606 с.
64. Хантыйско-русский словарь (сургутский диалект) / Сост. В.М. Глушак. Сургут: Изд-во СурГУ, 2006.
108 с.
65. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь. СПб.: ООО «Миралл», 2006. 336 с.
66. Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Заура-
лья). М.: Издат. дом Синергия, 2005. 480 с.

ПМА – полевые материалы автора

ТФ ГАТО – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области

References

1. Sokolova Z.P. Social'naja organizacija hantov i mansi v XVIII–XIX vv. Problemy fratirii i roda M.: Nauka, 1983. 325 с.
2. Sokolova Z.P. Antroponimija obskih ugrov kak istochnik dlja izuchenija jetniceskoj istorii // Jetniceskaja onomastika. M.: Nauka, 1984. S. 78–81.
3. Sokolova Z.P. O proishozhdenii obsko-ugorskih imen i familij // Lichnye imena v proshlom, nastojashhem, budushhem. M.: Nauka, 1970. S. 268–278.
4. Sokolova Z.P. Nasledstvennye ili predkovye imena u obskih ugrov i svjazannye s nimi obychai // Covetskaja jetnografija. 1975. № 5. S. 42–52.
5. Sokolova Z.P. Imja i prozvisshhe u obskih ugrov // Narody i jazyki Sibiri. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1980. S. 266–270.
6. Steinitz Wolfgang. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Dialektologicheskij i jetimologicheskij slovar' hantjyskogo jazyka. Bearbeiter: Gert Sauer. Lfg. 1–15. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1993.
7. Huel Petra. Die ostjakischen Personennamen unter besonderer Berücksichtigung der Personennamen des 17. Jahrhunderts. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 38. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994. 153 с.
8. Kuanyshev B.M. Tjurkskie jelementy v obsko-ugorskoj antroponimii // Jazyk i proshloe naroda. Sb. nauch. trudov. Sverdlovsk: Ural. gos. un-t, 1993. S. 101–106.

9. Handybina O.V. Antroponimija berezovskih hanty // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. Piliscsaba, 2010. P. 158–159.
10. Dmitrieva T.N. Toponimija bassejna reki Kazym. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005. S. 274–287.
11. Sokolova Z.P. K voprosu o formirovanii jetnograficheskikh i territorial'nyh grupp u obskikh ugrov // Jetnogenez i jetnicheskaja istorija narodov Severa. M.: Nauka, 1975. S. 186–210.
12. Sokolova Z.P. Ljapinsko-sos'vinskaja gruppa mansi po materialam brachnyh svjazej v XVIII–XIX vv. // Istorija, arheologija i jetnografija Sibiri. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1979. S. 112–130.
13. Sokolova Z.P. Formirovanie jetnograficheskikh grupp severnyh hantov i severnyh mansi // K istorii malyh narodnostej Evropejskogo Severa SSSR. Petrozavodsk, 1979. S. 34–48.
14. Sokolova Z.P. Nekotorye aspekty formirovanija kazymskoj gruppy hantov // Problemy jetnogeneza i jetnicheskaj istorii aborigenov Sibiri // Sb. nauch. tr. Kemerovo: KGU, 1986. S. 71–78.
15. Sokolova Z.P. K proishozhdeniju obskikh ugrov i ih fratrij (po dannym fol'klora) // Tradicionnye verovanija i byt narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd., 1987. S. 118–133.
16. Sokolova Z.P. Legendy Vut-Imi. Puteshestvie po Obi i ee pritokam k hantam i mansi / Jugorskie rossypi. Surgut: AIIK «Severnyj dom»; Severo-Sibirskoe kn. izd-vo, 1993. 96 s.
17. Rombandeeva E.I. Mansijskie lichnye imena i familii // Jazyki narodov Severa Sibiri. Novosibirsk: AN SSSR, Sib. otd., 1986. S. 20–25.
18. Rombandeeva E.I. Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura. Surgut: «Severnyj Dom», Severo-Sibirskoe regional'noe kn. izd-vo, 1993. S. 45–50.
19. Lukina N.V. Hanty ot Vasjugan'ja do Zapoljar'ja. Istochniki po jetnografii. V 5 t. T. 1. Vasjugan. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2004. 336 s.
20. Kannisto A., Nevalainen J. Statistik über die Wogulen. Gesammelt von Artturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von Jorma Nevalainen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. S. 1–95 (=JSFOu 70/4).
21. Patkanov S.K. Irtyshskie ostjaki i ih narodnaja pojezija (Patkanov S. Die Irtysh-Ostjaken und ihre Volkspoesie. SPb., 1897, T. I; 1900, T. II) / Perevod s nem. E. Matjuhinoj // Sochinenija v 2-h t. / Pod red. S.G. Parhimovicha. T. 1. Ostjackaja molitva. Tjumen': Izd-vo Ju. Mandriki, 1999. 400 s.
22. Kulemzin V.M., Lukina N.V. Znakom'tes': hanty. Novosibirsk: Nauka, 1992. 136 s.
23. Kasum muv mon'shhat-putrat. Skazki, rasskazy zemli Kazymskoj. Vyp. 1 / Perevod, sost., predisl., primech. S.S. Uspenskoj. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 292 s.
24. Novickij Grigorij. Kratkoe opisanie o narode ostjackom, 1715 g. Novosibirsk: Novosibgiz, 1941. 107 s.
25. TF GATO. F. 154. Tobol'skaja kazennaja palata. Op. 8. D. 273 (1795 g.).
26. Mosin A.G. Ural'skij istoricheskij onomastikon. Ekaterinburg: Izd-vo «Ekaterinburg», 2001. 516 s.
27. Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. V 7 t. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo; Ural'skij un-t; Izd-vo Ural. un-ta, 1964–1988.
28. Slovar' russkikh narodnyh govorov. Vyp. 1–45. L.; SPb.: Nauka, 1965–2013.
29. Slinkina Galina. Skazki zemli Jugorskoj. Ekaterinburg: Izd. dom «Pakrus», 2002. 226 s.
30. Bucinskij P.N. Sochinenija v 2-h t. T. II. K istorii Sibiri: Mangazeja, Surgut, Narym i Ketsk (Pereizdanie; pervoe izd. – 1893). Tjumen': Izd-vo Ju. Mandriki, 1999. 327 s.
31. Karjalainen K.F. Ostjakisches Wörterbuch. B. 1–2. Bearbeitet und herausgegeben von Y.H. Toivonen. Helsinki, 1948. 1199 s.
32. Radlov V.V. Opyt slovatja tjurkskikh narechij. V 4 t. SPb.: Imperat. Akad. nauk, 1893–1911.
33. Mahmudov H., Musabaev G. Kazahsko-russkij slovar'. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1954. 575 s.
34. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4-h t. M.: Progress, 1964–1973.
35. TF GATO. F. 154. Tobol'skaja kazennaja palata. Op. 8. D. 289 (1811 g.).
36. Pivneva E.A. Mansi: populjacionnaja struktura, jetnodemograficheskie processy (XVIII–XX vv.) M.: IJeA RAN, 1999. 306 s.
37. Unbegaun B.O. Russkie familii. Oksford, 1972. Perevod s angl. / Pod red. B.A. Uspenskogo. M.: Progress, 1989. 443 s.
38. TF GATO. F. 154. Tobol'skaja kazennaja palata. Op. 8. D. 814 (1858 g.).

39. TF GATO. F. 154. Tobol'skaja kazennaja palata. Op. 8. D. 44 (1782 g.).
40. TF GATO. F. 154. Tobol'skaja kazennaja palata. Op. 8. D. 277 (1795 g.).
41. TF GATO. F. 156. Tobol'skaja duhovnaja konsistorija. Op. 20. D. 30 (1788 g.).
42. Fedorova E.G. Voguly v XVII–XIX vv. // Korennye jetnosy evropejskoj chasti Rossii na poroge novogo tysjacheletija: istorija, sovremennost', perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Syktyvkar, 17–19 maja 2000 g.). Syktyvkar, 2000. S. 269–271.
43. Gafurov Alim. Imja i istorija: Ob imenah arabov, persov, tadjhikov i tjurkov. Slovar'. M.: Glavnaja red. vost. l-ry izd-va «Nauka», 1987. 221 s.
44. Baskakov N.A. Russkie familii tjurkского proishozhdenija. M.: Nauka, 1979. 279 s.
45. Veselovskij S.B. Onomastikon. M.: Nauka, 1974. 382 s.
46. Tupikov N.M. Slovar' drevnerusskih lichnyh sobstvennyh imen. M.: Russkij put', 2004 (pech. po izd.: SPb., 1903 g.). 904 s.
47. Veselovskij S.B. D'jaki i pod'jachie XV–XVII vv. M.: Nauka, 1975. 611 s.
48. Poljakova E.N. Slovar' permskih familij. Perm': Knizhnyj mir, 2005. 463 s.
49. Nikonov V.A. Slovar' russkih familij. M.: Shkola-Press, 1993. 224 s.
50. TF GATO. F. 154. Tobol'skaja kazennaja palata. Op. 8. D. 754 (1850 g.).
51. Komi-russkij slovar' / L.M. Beznosikova, E.A. Ajbabina, R.I. Kosnyreva. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 2000. 816 s.
52. Sravnitel'nyj slovar' komi-zyrjanskih dialektov / Sost. T.I. Zhilina, M.A. Saharova, V.A. Sorvacheva. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1961. 491 s.
53. Perevalova E.V. Severnye hanty. Jetniceskaja istorija. Ekaterinburg: UrO RAN, 2004. 414 s.
54. Mon'shhät pa puträt / Sost. V.N. Solovar. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. ped. in-ta, 1996. 68 s.
55. Kan' kunsh олаң / Avt.-sost. T.A. Moldanov. Hanty-Mansijsk: GUIPP «Poligrafist», 1997. 149 s.
56. Dolgih B.O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII v. // Trudy In-ta jetnografii. Novaja serija. T. 55. M., 1960. 622 s.
57. Oчерki istorii Jugry / N.N. Baranov [i dr.] / Otv. red. D.A. Redin, N.B. Patrikeev. Ekaterinburg: NPMP Volot, 2000. 408 s.
58. Sokolova Z.P. Obskie ugry (hanty i mansi) // Jetniceskaja istorija narodov Severa. M.: Nauka, 1982. S. 8–45.
59. Kar'jalajnen K.F. Religija ugarskih narodov. T. 2. Perevod s nem. i publikacija d-ra ist. nauk N.V. Lukinoj. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995. 284 s.
60. Rombandeeva E.I., Kuzakova E.N. Slovar' mansijsko-russkij i russko-mansijskij. L.: Prosveshhenie, Leningr. otd., 1982. 360 s.
61. TF GATO. F. 154. Tobol'skaja kazennaja palata. Op. 8. D. 755 (1851 g.).
62. Kasum-Joh. Materialy dlja obosnovanija proekta jetniceskoj statusnoj territorii / Otv. red. A.V. Golovnev / Hanty-Mansijsk: NII social'no-jekonomicheskogo i nacional'no-kul'turnogo vozrozhdenija ugarskih narodov / Tobol'sk: Jetnograficheskoe bjuro. Shadrinsk: PO «Iset'», 1993. 109 s.
63. Golovnjov A.V. Govorjashhie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov. Ekaterinburg: UrORAN, 1995. 606 s.
64. Hantyjsko-russkij slovar' (surgutskij dialekt) / Sost. V.M. Glushak. Surgut: Izd-vo SurGU, 2006. 108 s.
65. Solovar V.N. Hantyjsko-russkij slovar'. SPb.: OOO «Mirall», 2006. 336 s.
66. Parfenova N.N. Slovar' russkih familij konca XVI–XVIII vv. (po arhivnym istochnikam Zaural'ja). M.: Izdat. dom Sinergija, 2005. 480 s.

PMA – polevye materialy avtora

TF GATO – Tobol'skij filial Gosudarstvennogo arhiva Tjumenskoj oblasti